

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ЖАНРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «РУНЫ ЛЮБВИ»

- Наталья Косухина
«Синий, хвостатый, влюбленный»
«Пятьдесят оттенков синего»
«Корпорация Лемнискату.
И начнется отсчет»
«Корпорация Лемнискату.
И каждый день за веком век»
«Корпорация Лемнискату.
И замкнется круг»
- КСЕНИЯ БАШТОВАЯ
«Проклятые огнем»
«Дорогу осилит идущий»
- Ольга Громыко, Андрей Уланов
«Плюс на минус»
- МАРИЯ БОТАЛОВА,
ЕКАТЕРИНА ФЛАТ
«Академия попаданцев»
«Академия попаданцев.
Избранница Тьмы»
- Варя Медная
«Паук приглашает на танец»
- МАРИЯ САКРЫТИНА
«Я клянусь тебе в вечной верности»
«Слушаю и повинуюсь»
- Ольга Пашнина
«Осторожно, ведьма!»
- Терри Лу
«Под крылом дракона»
- ЕКАТЕРИНА ФЛАТ
«Его Тьма»
- ГАЛИНА МАНУКЯН
«Ученица чародея»
- Елена Литвиненко
«Кукла советника»
Елена Малиновская
«Любовь без права выбора»
- Алиса Одинцова
«Начальник для чародейки»
- Надежда Мамаева
«У волшебства запах корицы»
- МАРИЯ БОТАЛОВА
Трилогия «ТАЙНЫ
ИЗНАЧАЛЬНЫХ»
Книга первая «В оковах льда»
Книга вторая «Огонь Изначальный»
- Александра Салиева
«Прокляты и забыты»
«Обречены и одиноки»
- Ольга Мигель
«Принц на белом кальмаре»
- МАРИНА ДРОБКОВА
«Маг моего сердца»
- ДАНА АРНАУТОВА
«Страж морского принца»
- Аня Сокол
«На неведомых тропинках.
Шаг в темноту»
«На неведомых тропинках.
Шаг в пустоту»
- ЕВГЕНИЯ ПЕТРОЧЕНКО
«В летописях не значится»
- ВАЛЕРИЯ ЧЕРНОВАНОВА
«Колдун моей мечты»
- МАРИНА ЭЛЬДЕНБЕРГ
«Заклятые любовники»
«Заклятые супруги. Золотая мгла»
- Алиса Ардова
«Мое проклятие»
- ТАТЬЯНА ЗИНГЕР
«Соль и пламя. Леди теней»
- КАТЯ ЗАЗОВКА
«Немира. Колесо судьбы»
- Алина Борисова
«Город над бездной»

Борисова
Алина

ГОРОД
НАД БЕЗДНОЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(Рос=Рус)6-44
Б82

Серийное оформление — *Екатерина Петрова*

Иллюстрация на обложке — *Андрей Липаев*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Борисова, Алина.

Б82 Город над бездной : [роман] / Алина Борисова. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 384 с. — (Руны любви).

ISBN 978-5-17-101171-0

Его разглядишь с одной-единственной смотровой площадки, да и то если только в бинокль. Тот самый, воспетый в поэмах Город — наша легендарная прародина, потерянный рай, колыбель человеческой цивилизации. Там обитают Они — Великие и Мудрые, подарившие людям жизнь и свободу. И отселившие нас от себя на другой край Бездны, чтобы мы и не думали возвращаться. Город недостижим. Но Они — его легендарные жители — порой к нам приходят. И нет в наших краях девы, которая не мечтала бы, что однажды Он придет именно к ней.

Хотя почему нет? Есть. Я. Вот только как мне объяснить светлейшему куратору, что я обойдусь без его внимания?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-101171-0

© А. Борисова, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

ГЛАВА 1

ЛИЗА

— И пожалуйста, не опаздывайте. — Светлейшая Александра сияла, как Невечерняя Звезда. — Автобус на Гору Вампиров отходит ровно в два, ждать никого не будем! Кто опоздает — пропустит самое значительное событие всей своей жизни!

— Угу, она, видать, в свое время пропустила, — хмыкнул за спиной Петерс, — вон как нынче-то туда рвется!

Мальчишки неподобающе хрюкнули. На них вроде бы даже шикнули, но как-то не всерьез, вполсилы. Неудержимая радость вилась над строем выпускников, ширясь с каждым выданным аттестатом, с каждым сказанным словом. Свобода лилась на них лепестками отцветающей вишни, врывалась в легкие ветром с далеких лугов, пьяня ароматами диких трав и вольных цветов. Они теперь тоже, как эта трава, как эти цветы, — свободные, вольные, потому что завтра их ждет не просто лето, не просто каникулы, их ждет настоящая, безграничная Свобода Взрослого Человека. Они выросли, они перешагнули рубеж, они окончили школу, и теперь ни одна светлейшая учительница на свете не вправе указывать им, что, когда и в каком порядке делать, что думать и о чем и с кем говорить.

Да и конечно же, Гора Вампиров. Древнейшая традиция, ритуал, священная обязанность. И вместе с тем — самая заветная мечта любого мальчишки или девчонки. И самое светлое воспоминание любого взрослого. На Гору Вампиров можно подняться лишь раз, в День Перехода — так торжественно именовали здесь окончание школы. Взглянуть на сказочный город за Бездонной Бездной и, присев на мягкое кресло в уютном кабинете, отдать свою кровь — немного, всего на флакон — о нет, не вампирам, обычным врачам в строгих белых халатах. В память об обретенной свободе. В подтверждение верности

заветам предков. В благодарность Великим и Мудрым вампирам, даровавшим некогда людям саму возможность Просто Жить.

Тут я поморщилась. Слишком много больших букв, слишком много патетики. Но по-другому о Великих и Мудрых говорить было категорически не принято, и не единожды слышанные фразы намертво впечатались в мозг, став базовыми шаблонами для любой мыслительной конструкции.

— Лара, ну давай, ну давай же скорее, — Лиза вилась у меня на руке нетерпеливым котенком, — будешь стоять и мечтать, мы не успеем как следует пообедать, а вампиры любят полнокровных девочек.

— А просто полные им не подойдут?

— Лара, ну как ты можешь? Сегодня такой день! Такой шанс!

— Шанс на что, Лиза? Сдать кровь в пробирку?

— Ты невозможна, Лариса. Ну как можно, как можно быть такой неромантической? Ты же знаешь, что иногда, да-да, я знаю, нечасто, не каждый раз, но иногда... они все-таки приходят...

Ну все, завела свою песенку! Лиза была моей подругой, самой близкой, самой лучшей, самой-самой. Мы делили с ней все секреты, все мечты и проказы. Но от одной из самых светлых ее грез меня попросту мутило. Лиза по-глупому, по-идиотски, по-детски мечтала о вампирах!

И стоя в очереди с подносом, и протискиваясь с едой к свободному столику, и поглощая свой последний школьный обед, я обреченно выслушивала ее романтические бредни о том, что однажды... быть может, вот прямо сегодня... она непременно встретит Его.

— Лиза, ну перестань, — вяло отмахивалась я, — ну подумай ты головой хоть секунду: ну зачем тебе вампир? Ну что за страсть к самоуничтожению? Вампиры, конечно, любят людей, но в одном-единственном смысле: они любят их есть!

Лиза расхохоталась. Атмосфера наступающей свободы, почти свершившейся взрослости пьянила ее, заставляя верить еще сильнее, мечтать еще неистовей.

— Вампиры... людей... не едят, — проговорила сквозь смех, вытирая салфеткой разбрызгавшийся соус, — они же не волки! Они умнейшие, интеллигентнейшие, воспитаннейшие люди!

— Лиза, они не люди!

— Ой, ну хорошо, хорошо, не люди... Они прекраснее, возвышеннее, неистовее любого из людей!

— Лиз-за!

— Нет, ты послушай, послушай! Я точно знаю: вампиры любят людей! Ну, вернее, могут любить! Иногда они приходят. И влюбляются. В юных дев, глядящих сквозь Бездну... Ну или, наоборот, в мальчиков, если сами девочки.

— Лиза, какие мальчики, какие девочки?! Им всем по тыще лет, они ж бессмертные, да и с рождаемостью у них фигово.

— Ах, ну какая разница, сколько лет! Ты подумай, еще пара часов, и мы поднимемся туда, и Он увидит меня, и перелетит через Бездну, и скажет: «Светлейшая дева, свет твоих глаз опалил мое сердце!» И за эти слова я отдам ему все — все, понимаешь, стану просто светом, растворившись в неземном блаженстве.

У-у-у-у, ну что за сказки для детей и юношества!

— Лиза, все, относись поднос, вернись на землю! — Я встала из-за стола, загрохотав стулом по кафелю. Она поднялась следом, как всегда изящно, невесомо. Бесшумно. Без лишних звуков приставила свой стул вплотную к столу. Поплыла относить поднос с грязной посудой. Я пнула свой стул в спинку (он тут же вновь порадовал меня «скрежетом зубовным») и двинулась за ней.

— Лизка, ну пойми ты: вампиры иногда приходят на Гору. Да. Не спорю. Факты известны. Но приходят они туда не за любовью. Кровь они туда приходят пить. Молодую. Свежую. Прямо из вены.

— Ну разумеется! Они же вампиры! А вампиры пьют кровь! — Подруга, похоже, начинала сердиться. — Вот только зачем им за этим на Гору переть? У них огромные стада человекообразных животных. Биологически идентичных людям. Значит, и кровь у них — такая же. Пей себе хоть из вены, хоть из пятки! А они приходят. И я скажу тебе зачем! За любовью! Да, да, да, и не криви ты личико! Их животные могут дать им море крови, ты права, хоть залейся! Но любить они никого не могут — они не люди, они животные! А сами вампиры уже стары, в них охладели чувства, пыл юности угас, это ж естественно. Но глядя на наши юные лица там, на Горе, они вспоминают свою молодость, свои мечты, саму любовь и спешат к нам через Бездну, чтобы слиться в экстазе, пьянея от нашей горячей любящей крови! — Щеки ее покраснелись, глаза горели.

— Ты мне сейчас какую книжку-то пересказываешь? — скепсисом в моем голосе можно было смело тараканов травить, — «любящая кровь» — это круто! Или это изначально стихи были, а ты мне их так, по памяти, в прозе пересказала?

Лизка взглянула на меня практически с ненавистью, резко отвернулась, ускорила шаг и, догнав Регинку, цапнула под локоток и скрылась с ней в автобусе. Ну и ладно, не больно-то хотелось. Это ж надо быть такой непробиваемой романтической дурой!

В автобусе уселась на самый последний ряд, там, где пять кресел вместе. Галерка — она и в автобусе галерка. Для тех, кто против!

Автобус тронулся. Скрипя и дымя на всю дорогу, неторопливо запетлял по улочкам города, выбираясь на шоссе. Ну что за колымага! Того и гляди сейчас встанет намертво где-нибудь посередине степи глухой. Угу, и накроется кому-нибудь его романтической свиданий... Нет, ну вот вампиры-то на таких развалах по своему чудо-городу точно не ездят. Они ж там все гениальные, они ж там все летают. На крыльях любви, не иначе! Не удержалась, фыркнула.

— Да что ж это ты, Ларочка, все в одиночку смеешься? — Сидящий рядом Петерс лицо состроил заботливо-встревоженное. Ну а уж голос точно мог соперничать в серьезности с учебником вампирологии за третий класс. — Ты поделись с друзьями. И нам приятно, и тебя к доктору не поведут.

— Да что тут скажешь, Петька. Чудо-город. Чудо-вампиры. Могли б и за нами какую-нибудь чудо-колесничку прислать крылатую, чтоб бодрее мы спешили им свой чудо-долг отдавать. Из чудо-пальца. Или из чудо-вены? Что-то я за всем этим весельем прослушала: откуда кровь-то брать будут?

— Ну-у, — судя по тому, как хмыкнул Петерс, а также сидящие рядом с ним Витька с Мариком, что-то не то я спросила, — а это, любовь моя, откуда дашь. Можно, конечно, и из пальца. И из вены. Но самая сладкая кровь, она, как известно, по бедрам течет. По женским. Нечасто так, недельку в месяц. У тебя, кстати, щас как, не? — Под неудержимый гогот приятелей голова его стала склоняться в сторону предполагаемого «объекта исследования». И получила сумкой по рогам. Известие о том, что он придурок, его нисколько не огорчило, а мои не к месту покрасневшие щеки весьма порадовали.

— Ну, нет так нет, я ж что, я ж только спросить, — Петерс был прирожденным паяцем, и удар сумкой по голове полет его разошедшейся фантазии в жизни еще не останавливал, —

они ж, ежели что, так и проткнуть могут, ты, главное, только попроси. Сделают. Своим чудо-пальцем. Или не пальцем. Но главное — чудо! И потекшую кровь аж языками вылижут. Аки псы. Вон хоть светлейшую Александру спроси.

— О чем? — Я аж поперхнулась. Светлейшую Александру о чудо-пальце? Да ее ж кондратий хватит от такой непристойности. И вряд ли уже отпустит.

— А что? — встрял в разговор Марик, — ты на нее взгляни: нарядилась, как для журнала сниматься, и сияет, как таз начищенный. Про чудо-пальцы явно в курсе, с собственного Перехода небось все в подробностях... Потому и учителем стала, и классной заделалась, десять лет Перехода ждала, чтоб хоть с нами вновь на Гору. А там уже он: «Я ждал тебя, моя Александра, десять лет, не сходя с этого места!»

— А она ему: «Ах, палец, палец! Ты его не отморозил? Он все еще действует? Десять лет ждала, никому не давалась!» — в тон ему продолжил Петерс, и вся галерка каталась, захлебываясь, и я смеялась со всеми, сознавая, как это гадко и пошло — говорить такое про пусть уже бывшую, но все же нашу классную руководительницу, которая десять лет нас учила, растила и пестовала.

Все это нервы. Что бы мы ни говорили, как бы ни бравировали. Нервное напряжение выходило из нас пошлым смехом и несмешными шутками. Все же мы ехали на Гору. Раз в жизни можно сюда подняться. Пока ты не видел Город — ты ребенок. Увидел, осознал, но не сломался, а, преисполнившись благодарности и отдав ритуальный Долг Крови, вернулся к людям чтобы не покладая рук трудиться на благо свободных людей, в светлой надежде, что когда-нибудь пусть не мы, но наши далекие потомки построят цивилизацию, хоть немного приблизившуюся величию к цивилизации вампиров. И если ты сумел осознать это там, на перевале, над Бездонной Бездной, разделяющей мир людей и мир вампиров, ты совершил Переход. Ты стал взрослым. По крайней мере так нас учили. И наверное, в этом была правда. Люди должны помнить свою прародину. И своих создателей. И, глядя на потерянный рай, иметь мужество признать, что он более нам не нужен. Мы свободные люди, и мы в силах построить свой.

А вампиры? Ну, что лукавить? Я хотела взглянуть на вампиров. Хотя некоторые из них жили среди людей, помогая двигать цивилизацию к прогрессу, детям видеть их не полагалось. И дети их не видели. Был у них какой-то морок, и рядом придет — не заметишь. Считалось, что на неокрепший дет-

ский мозг встреча с живыми богами может подействовать разрушительно. Да вон хоть на Лизку мою глянуть: и не видала ни разу, а мозг разрушен. Да только на Горе такая встреча нам вряд ли светит, больше шансов встретить вампира в университете или в каком-нибудь НИИ, где они передовые проекты курируют. А на Гору разве что бездельники залетают, хлебнуть, так сказать, свежей и неразбавленной кровушки у романтических дурочек. Что ж не взять, когда дают?

Дорога была неблизкой. Пока мы, каждый по-своему, предвкушали самое волнующее приключение юности, автобус натужно тащился мимо полей и поселков, временами пугая грозными гудками забредших на дорогу овец или коз. Машин встречалось немного. У нас вообще было не слишком-то много машин. Да и те, в отличие от вампирской чудо-техники, были весьма далеки от совершенства. Даже поговорка была: «Нет машины, которая не ломается, есть водитель, который не умеет ее чинить». Потому и водители были исключительно профессиональные и транспорт исключительно общественный. Ну или для сельхозработ и грузовых перевозок. Частные машины на улицах города можно было встретить едва ли не реже, чем настоящего вампира. Ну, в смысле, можно, конечно, но если постараться и поискать. Это те, которые на ходу. Стоящих мертвым грузом было значительно больше. Вот даже у нашего подъезда, сколько себя помню, стоял «Славич» соседа дяди Кости. А сам светлейший Константин все больше лежал под этим «Славичем», разложив вокруг себя все имеющиеся в наличии инструменты.

Зато на дорогах был простор и лениво паслись чьи-то гуси. До Горы Вампиров от родного Светлогорска тащиться было часа три, и мы успели и в окно до одури наглядеться, и в карты сыграть десяток партий, и обсудить все, что только можно, в неподобающе интимных подробностях. Нас сжирало нетерпение. Чем дальше, тем больше, и все сложнее было выдумать тему для разговора или повод для шутки. И даже неистощимый юморист и затейник Петерс с каждой минутой становился все серьезнее, бросая в окно долгие взгляды и не замечая затянувшихся пауз.

Наконец мы все-таки дорулили. Долго и хлопотно припарковывались: не одна, чай, школа в мире. Кто-то уже уезжал, кто-то еще был на Горе, а мы только выгружались. И пытались понять по лицам тех, кто уже садился в свои автобусы, как оно там? Осознали? Прониклись? Разные были лица. Сложно было понять. Я так и не поняла, честно могу признаться.

Светлейшая Александра торжественно построила нас и повела к воротам. Там нас строго проверяли по каким-то спискам, и на какой-то миг стало по-глупому страшно, что меня в нем нет и все пройдут, а я отправлюсь домой. Я в нем была. Мы все в нем были.

И начался подъем. Древняя Лестница Завета, с ее вытертыми тысячами ног каменными ступенями, уходила в самое небо. Так нам всем казалось, пока мы бодро шли по ней, поднимались, ползли, тащились... и, наконец, взгромоздились на последнюю, тысяча невесть какую ступеньку, чтобы замереть... А что, собственно, замирать? Каменные скамьи по кругу, в центре — фонтан красы неброской, явно не вампирами деланный. За кустами белеют аккуратные одноэтажные домики весьма земной конструкции, к ним ведет широкая ровная дорожка.

— Присаживайтесь, отдыхайте, можно умыться и попить, — соткался сей старец из воздуха или просто терпеливо ждал за кустиками, покуда мы глазки в кучку соберем и языки во рты затащим, — было глубоко не важно. Важно было, что можно умыться, попить, отдохнуть перед неизбежной встречей с прекрасным. И то, что старикан не вампир. Обычный старикан, человеческий. Хоть и вида весьма благообразного, и одет очень строго и как-то подобающе. К месту и к случаю, так сказать. А вампиры — они стариканами не бывают. Они ж бессмертные. Ну, или почти бессмертные. Но по-любому — вечно молодые.

— Зовут меня Симеон Агофитов, и буду я вашим проводником на пути трудном и прекрасном до самой границы вечности, — заявил между тем старец возвышенно и серьезно.

Мда-а, да вы поэт, дедушка. Этак мы и до вечера не управимся. Хотя — кому как. Говорят, на закате самая большая вероятность встретить вампира. Хотя с чего, если разобраться? Это только в сказках про Вампиров Адской Бездны они по ночам шныряют да солнца с петухами боятся. Наши создатели ничего не боятся: ни петухов, ни солнца со всеми звездами. Хотя кто ж их знает, чего они там боятся, может, как та колдунья, что водой из ведра окатят. Кто ж в таком признается? А ну как взбунтуются неблагодарные создания, водометы на Гору заволокут и давай полоскать их Город Солнца заоблачный: «Вы перепачкались кровью? Тогда мы идем к вам!»

Так, опять я что-то не о том радуюсь. Что там дедуля-то?

— ...И тогда мудрейшие из вампиров, приметив у части своих животных почти разумную способность подражать

своими действиями действиям хозяев своих... — угу, угу, на вольный выпас. Класс первый, урок первый, глава первая. «Как вампиры людей из животных создавали». Так и будет весь учебник пересказывать? Этак мы и до утра с места не стро-немся.

— Простите, светлейший Симеон, а можно вопрос? — Регинка все же не утерпела. Еще бы, она ж у нас отличница, не хуже любого старикана учебники пересказывает. — А мы сегодня увидим вампира? Хоть одного?

— Как ты спешишь, дитя. Куда ты так спешишь? — Старец, похоже, даже не рассердился. — Шанс есть всегда. Вампиры приходят на Гору. Порой. Но даже если вы не увидите вампира здесь — отныне вы будете встречать их в родном городе. И довольно часто. А теперь, поскольку предыдущая группа наконец ушла в лабораторию и освободила нам смотровую площадку, прошу к краю Бездны!

Так вот он, Город! Кажется, мы рванули, едва не затоптав дедулю, — за кусты, по дороге... и, ахнув, затормозили, не добежав шага до резкого, неестественного, внезапного... хотя знакомого по рассказам обрыва.

— Ну, что же вы, дети? — Старец был нетороплив, невозмутим, но почти не отстал. — Вы замерли ровно в шаге от истины! Бездонная Бездна ждет своих героев. Кто из вас осмелится сделать последний шаг и, балансируя на краю, бросить орлиный взор на Великий Город за провалом вечности?!

И узнать, успеешь ли досчитать до миллиона? Спасибо, что-то не хочется.

А Петерс шагнул. Пока другие охали, вздыхали, примеривались, он, с каким-то вдруг повзрослевшим от невероятной серьезности лицом, шагнул на самый край и даже чуть дальше, так, что пальцы его зависли над пропастью. Пошатнулся, взмахнул руками — и уперся в прозрачную стену. Потом прижался к этой стене — сначала ладонями, потом лбом, а затем и всем телом, сотрясаясь от беззвучного плача.

— Да, это так. — Голос светлейшего Симеона был спокоен, а рука, легшая на плечо Петерса, тепла и надежна. — Создатели наши вампиры в великой мудрости своей берегут вас, чада. Они подарили вам жизнь. Нам всем ее подарили. И им не нужна ваша смерть — ни по нелепой случайности, ни в виде благородной жертвы. — Он помолчал, затем продолжил: — Но порыв — порыв прекрасен. И потому стена невидима, и каждый пришедший может измерить глубину своего сердца. Вампиры, возлюбив нас более, чем себя самих, сумели

отказаться от нас, даровав нам бесценное: жизнь, свободу, разум. Можем ли мы, отринув все страхи и сомнения, шагнуть им навстречу, веря, что они не дадут нам упасть, что нас поддержат их ласковые невидимые руки? Можете ли вы?

Да, старец был мастер! Даже меня пробрало, и я тоже шагнула вперед, на самый край и немного больше, чтобы тоже встретиться всем телом с ласковой надежностью этой теплой податливой стены. Да, она чуть прогибалась под пальцами, подо лбом, под грудью, не сдавливая, но и не отпуская, давая возможность устроиться поудобнее и, представив, что паришь над вечностью, устремиться взором туда — в Город.

Город! Воспетый в стихах и балладах, описанный в сотне сказок и известный наизусть по тысяче чужих пересказов, наяву он был неизъяснимо, невыразимо прекрасен! Высокие стены светлого, сияющего на солнце металла, словно вырастающие из края Бездны. Бездонной Бездны, именуемой также Адской, в которую сбросил некогда Владыка Вампиров (не нынешний, а прошлый или даже позапрошлый) восставших вампирских отщепенцев под предводительством сына своего Дракоса. Ибо не смогли Дракос и его прихвостни понять любви отца своего к тем, кого не именовали больше животными. Не смогли увидеть в них существ, наделенных разумом и правом на вольную жизнь. Покаялись отнять у них эту жизнь, у всех до последнего. И сбросил их Владыка в пропасть адскую, и проклял, и столь сильно было его проклятие, что не могли более Дракос со товарищи белый свет видеть. Первый же луч солнечный убьет их. Вот и сидят они в Бездне, ибо солнцу туда, как известно, не проникнуть. Я любила эту историю в детстве, а потом прочла в какой-то умной книжке, что это просто сказка, не подтвержденная источниками. И в вампирских хрониках и близко нет ничего похожего. А стена вот есть. Интересно, зачем им стена? Край обрыва укрепляли?

А за стеной возвышались башни. Причудливые, немыслимые, невероятные. Некоторые просто парили в воздухе, лишённые опоры, окруженные облаками, связанные с другими лишь тонкими веревочками переходов. Между башен, то там, то здесь, мелькали воздушные машины — без крыльев, парусов и моторов. Раскрашенные в разные цвета, они пронеслись в воздухе вспышками волшебной радуги. Не одна я подавила завистливый вздох. Вампиры летают: они сами, их машины, их башни! А людям летать не дано. Да, мы построили свои машины, но они могут только ездить, а взлететь — увы и ах!

И остается только мечтать, что когда-нибудь люди тоже воспарят под небесами. Мы же люди, мы разумны и свободны. А значит — сможем!

— Возвращайтесь, ребята. — Спокойный голос светлейшего старца вернул к неумолимой действительности. — Нам надо идти в лабораторию. На Великий Город можно любоваться вечно, а свой Долг создателям лучше отдать уже сейчас.

Нет, нет, нет, я же еще ничего не рассмотрела! Ни дворец Владыки, ни Зал Великих Советов, и я же хотела увидеть поля! Где-то там, за городом, должны быть поля, где вампиры выпасают своих животных — наших предков. Вернее — потомков наших далеких общих предков. Интересно, а они ходят на двух ногах? Или это уже мы, разумные, на две встали, а они так и бродят — на четырех?

Похоже, не только я зависла на краю обрыва. Новый голос был не столь благостен.

— Дети, ну что такое? Вы намерены сорвать нам план мероприятия?!

Та-ак, бровки крашенные, щипаные, неодобрительно сведенные. Ручки в бочки упертые. Голосок препротивный, халатик беленький. Явно не о такой вампирше мечтал Петерс, балансируя над пропастью. К счастью, она и не вампирша. Обычная человеческая тетка. Которой даже кровь по пробиркам разливать не доверили. А уж гонору-то... А вот очарование прошло. Ну, вампиры, город, пропасть, где-то там, когда-то давно. Вампирам мы не нужны, потому и не приходят. И две стены возвели, чтоб мы к ним сами не лезли. И долги никакие не требуются. Потому что — либо мы свободны, либо по уши в долгах. А все остальное придумали люди: и ритуалы, и кровопускания. Потому что кого-то хлебом не корми, дай кому-нибудь поклониться. И еще соседей потыкать: я-то вон какой, верный, помнящий, а вы, вы?

— Так, дети, строимся и идем в ритуальную комнату, где вы должны обратиться с просьбой добровольно отдать свою кровь... — боже, ну что за мерзкий, самоуверенный голос! Я же их еще и просить должна, чтоб они из меня кровь ради своего тщеславия выкачивали!

— Простите, светлейшая, — не удержалась, встряла. — Я как-то не очень поняла: «должны» или все ж таки «добровольно»? По своей воле я бы вот здесь еще часок постояла.

— Рот закрой. — Мелкие глазки буравили меня с откровенной ненавистью. — Тебя сюда не умничать привезли, а священный Долг Крови отдавать. Пойдешь куда скажут, когда

скажут и сделаешь, что велено. Распустились! Недоростки желтопузые будут у меня в священном месте права качать!

— В вашем священном месте? — Ненависть уже душила и меня. — А вы личное с общественным не в космических масштабах спутали? И я уже, увы, не недоросток! Я тут как-то резко выросла, вас наслушавшись! И вы можете катиться — добровольно — хоть к принцу Дракосу в гости! Я вам — ничего — не должна! Ни капли! Ни сейчас! Ни потом! Никогда! — Злые слезы потоком катились по моим щекам, и я презирала себя за это. Слезы — это признак слабости, а я не слаба! Хамка, ну какая ж хамка, ну надо ж было так все испортить!

— Если ты немедленно не прекратишь истерику, я буду вынуждена позвать стражу!

— А я буду вынужден писать записку о вашем служебном несоответствии на высочайшее имя. — В голосе говорившего слышалось явное сожаление, что придется заниматься такой ерундой, и смирение: раз надо, так надо.

— Ка... — начала было воинственно разворачиваться к нему раскрасневшаяся тетка, но внезапно впала в ступор, стремительно бледнея. А он сделал шаг вперед из-за ее спины. И тут уже в осадок выпали и я, и весь наш класс, и светлейший Симеон в придачу.

Потому что этот уже точно был вампир.

Чуть удлинненное лицо, гладкая кожа, не несущая на себе примет времени, миндалевидные серые глаза с вертикальным кошачьим зрачком, длинные волосы, чистым серебром струящиеся ниже плеч. Стройная высокая фигура, облаченная в длинный черный камзол, расшитый серебром, и черные же бриджи, заправленные в высокие обтягивающие сапоги. Тоже, разумеется, черные. Широкие рукава сорочки цвета грозового неба делали еще ярче цвет его внимательных глаз, оттеняли сказочное серебро волос. Словно в трансе, я разглядывала его, стремясь запечатлеть в мозгу каждую черточку его прекрасного облика. И, судя по затянувшейся паузе, не я одна.

Он стоял очень спокойно, словно боясь спугнуть нас осторожным жестом. И только переводил взор с одного на другого, рассматривая и словно лаская взглядом наши лица. Как же нам повезло, как же нам невероятно повезло встретить при Переходе вампира. Кажется, даже примета такая есть, что если в День Перехода ты встретишь на Горе вампира, то... не помню, все мысли вылетели под ласковым взглядом этих нечеловечески прекрасных глаз. Что-то хорошее. Или волшебное.